

1977

4 января

Я на Пахре – тоже после большого перерыва: не был здесь конца августа 76 года, на дворе лютая зима. У меня наверху довольно тепло. Окружает меня – прежде всего – Зоя. Ставшая призраком, легендой, стихами, но всё ещё живая, больше живая, чем все живые вокруг. <...>

Стоит ещё записать, что моя внучка Катя уже второй год замужем, родила мальчонку. Муж её оказался просто мерзавцем, вором-домушником. У меня в книгах ужасные лакуны. Многие замечены, другие, может быть, ещё не замечены, но и замеченных достаточно. Пропали Босх и Брейгель в изд. Skira, пропали два тома Чаадаева, 2 тома «Записок о Дм. Самозванце» Т. Мнишек, записки Державина, все старые (XIX в.) книги о Петербурге. Это очень ценные у букинистов книги, очень редкие. На них цена, небось, выросла. У вора губа не дура, – он хорошо знает книжный рынок. Боюсь, что приобрести эти книги мне не удастся – и оттого, что они очень дороги, и оттого, что не так просто найти их. Об этом необходимо было записать – хотя бы затем, чтобы избавиться от навязчивой и грызущей обиды. Слава богу, что и дочь моя поняла, какого «зятя» она приобрела, и решко отказала ему в праве быть в обоих наших домах, и на ул. Щукина, и на Пахре.

А на Пахре она, моя дочь, произвела решительную перестройку, увеличив жилую площадь дома чуть ли не вдвое. Я с этим мирюсь, поскольку роду человеческому свойственно размножаться: у меня уже три правнука. А сколько их будет дальше – не представляю себе. К тому же мне пошёл 81 год, и я не собираюсь долго засиживаться на этой планете. В частности не собираюсь больше писать стихи. <...> Моё дело – честная журналистская проза, к тому же и сжатая до афористической ясности и краткости. Проза отнюдь не «художественная», а скорее всего – литературоведческая. Идея афористичности меня просто преследует. <...>

Перестройка на Пахре стоила больше 10 тысяч, и всё это в основном за мой счёт, и всё за последние 1975 и 1976 годы. Здесь я впервые ставлю все точки над «И». Беспечность хорошая вещь, но пора подвести и трезвый итог тому, что происходит.

Ещё пропало франц<узское> издание in folio сокровищ музея El Prado в Мадриде, полное репродукций того же Босха, а также Эль Греко, Гойи и многих других вплоть до Пикассо. Я убеждаюсь в том, что похититель (кто он – известно) хорошо ориентирован в букинистическом рынке, знает ценность «своего» товара. <...>

9 января

Утром письмо от Саши, ответил. Послал уже сегодня и письмо, и книги, что привёз с Пахры для неё. Заходил парень из журнала «Студенческий меридиан». Дал ему три стихотворения: «Петербургская баллада», «Поэзия гипотез» и «Жильё твоё остужено», – всё это нигде не опубликовано и, кажется, окончательно приведено в пристойный вид.

С Пахры Кипса прислала мыло, которое я там забыл. Водитель Саша купил мне яблок и апельсинов. Принесли перевод (60 руб.) из Сибири за мои стихи, не

помню, из какого города. Во вторник в ЦДЛ вечер молодых поэтов, из которых знаю только Полину Рожнову. Пойду. От неё вчера поэтичное письмо-поздравление с Новым годом.

Вчера был Лев Левин, взял некоторые стихи обо мне, написанные за этот год. Он по-прежнему плохо представляет себе, что и как, но с этим приходится мириться. Очень понравились ему мои мысли о фантастическом реализме.

10 января

Как и полагается, пустое воскресенье – даже телефон не звонит, да и писем нет.

Днём был Ст. Лесневский, потом – Поля Рожнова. От меня она узнала, что завтра её выступление с другими молодыми поэтами.

Что-то плохо и со статьёй в «Вопросах литературы» («О метафоре»), и со стихами в «Октябре», где не могут найти, какие же стихи идут и, наконец, с книгой «Конец века» в «Советском писателе», – всюду сплошные опоздания в сроках. Дай бог, чтобы хоть что-то прояснилось в феврале. А деньги уходят безбожно и бесконечно. Но есть запас: и одеколон, и мыло! Полдвенадцатого, пора в постель. Буду читать Столянского.

11 января

<...> В ЦДЛ выступление молодых поэтов, недавно принятых в СП. Среди них Поля Рожнова и Егор Самченко. Других я не знал. Это Медведева, Золотцев, а также Соложенкина. Первые два по-своему интересны. А вот Соложенкина – абсолютный нуль, но как раз она заслужила аплодисменты. Я со своими суждениями оказался на редкость одиноким. На меня дружно ополчились чуть ли не все. Оказался в блестящей изоляции. Даже мои возражения на неправильные ударения в словах, которые позволяет себе молодежь, (вроде пригОршни вместо приГоршни) вызвали ссылку на словарь, где, дескать, разрешается так и эдак. Потом с Рожновой и Самченко посидели в ресторане за бутылкой подогретого красного (испанского!) вина.

12 января

Утром письма от Орлова, Н. Банк и Зисельман. <...> В ЦДЛ получил несколько своих фотографий своих. Сейчас полтретьего. Дел никаких.

16 января

День воскресный прошёл тихо, глупо, вполне благополучно. Звонил Лева Левин. Все-таки пришлось согласиться выступить по телевидению в Луговском. Съёмки произойдут здесь, на ул. Щукина, на следующей неделе. <...> Звонили и Дина с Йонасом, надеюсь, что на этой неделе мы так или иначе встретимся. Была Маша Белкина с сыном, вернула письма Али Эфрон, подлинники и машинописные копии.

Вечером по телевидению два очень хороших фильма: один по пьесе Розова и другой с актёром Дуровым и девочкой из детдома: эти двое играют прелестно, да и другие тоже.

На мне ещё одна обязанность – прочесть для Гослита статью Прокушева о Сергее Васильеве, но чувствую, что эта машинописная рукопись резко мне противопоказана и по тону, и по всем признакам, да и велика слишком. Ещё по телевидению актёры читали разные стихи, среди них мой «Новый год» (из «Ночного смотра») почему-то без последней строфы:

Пускай тебе хоть эта ночь
Одна осталась,
Не может молодость помочь,
Поможет старость –

Наверно, испугались отсутствия оптимизма. <...>

18 января

За день я кое-что успел сделать: получил в «Дружбе народов» уже напечатанные там стихи Б. Слуцкого, посвящённые мне, – лестные и остроумные, с горьким юмором по адресу многих и моему тоже. Зайдя в ЦДЛ, конечно, тут же – ура! – встретил Полину. С нею выпил кофе и коньяк, проводил в Пушкинский музей на чью-то выставку. В УОАП получил 200 руб. И то хлеб! По нынешн. моим деньгам, даже очень хлеб. Как будто за день всё. <...>

20 января

Сегодня день рожд. моей дочери. Она не празднует, гостей отваживает.

Пытался позвонить Сашуре в Псков, не вышло. Звонки по редакциям – дело безнадежное. И в «Дружбе народов» не могут найти номер со стихами Слуцкого, и в «Вопросах литературы» ещё нет номера, его обещают в начале февраля.

24 января

Был у меня В.А. Киселёв – трубочный мастер. Купил у него за 25 руб. трубку-носогрейку, уже 10-ую. Надо довести до 13 трубок и на этом остановиться. А сейчас была очень странная и очевидно несчастная особа, Галина Палкина. Стихи у неё ужасные, беспомощные и глупые – всё о любви...

Условились с Володей Орловым на встречу в ЦДЛ в 5 ч. Вечер был вполне дружеским и нескучным. Рядом оказался композитор Френкель. А в самом конце я написал рекомендацию в партию Юдахину. <...>

25 января

Днём была ещё одна особа со стихами. В общем такими же беспомощными и бездарными, как у вчерашней. Но зато очевидно неглупая и отдающая себе отчет

в своей слабости и т. д. К тому же знающая и Блока, и Евтушенко, и Пастернака, и Межирова, и ещё многих. Я даже подарил ей свой V том.

Звонил Ник. Вас. Лесючевский, с ним был долгий разговор о Мазуркине, Вл. Державине. Поэтические книги стали сугубо невыгодным для типографии товаром. Лесючевский долго объяснял, в чём беда, я не слишком понял. Всё это совсем неутешительно. Закинул Лесючевскому удочку о моём театре. Предлагает скорее представить рукопись.

Звонила Наталья Огай. Сегодня провожают Томаса Венлову за рубеж. <...>

27 января

Нат. Банк прислала первый номер «Звезды», где напечатан ее отклик на мой «Путевой журнал» – уж такой короткий, что дальше некуда. Зато дельный и благожелательный вполне.

Пришел Володя Орлов и пробыл часов до полдевятого. От какого бы то ни было вина, да и от чая отказался почему-то. <...> Володя читал свои стихи – талантливые, частью острые, а то и печальные. Из моих, что я читал, ему понравились «Поэзия гипотез» и «Жильё твоё остужено». Вполне одобряет и «Петербургскую повесть». А у меня странное и горькое чувство: а вдруг всё это (и ещё многое другое) не удастся уже вставить в книгу «Конец века»? Это будет полный крах.

Но вот и полдвенадцатого ночи. День кончен, а как будет со сном – не знаю. Прошлую ночь я уснул по-настоящему только в 6 ч. утра.

28 января

День прошёл бессмысленно и бездарно, без каких-либо событий и осложнений.

В ЦДЛ происходило, извольте видеть, обсуждение этого «поэтического года» и было на таком низком уровне, что дальше некуда. Вплоть до того, что кто-то предложил назвать 74-ый год Годом качества... К тому же банкет в честь Катаева лишил нас возможности хотя бы поесть в ресторане. Пробавлялись кофе и коньяком.

Сейчас уже, слава богу, четверть двенадцатого. Можно готовиться ко сну. День прошёл как мог.

30 января

Январь на излёте. А дни безрадостны и бесцветны, как и все предыдущие.

Были Дина и Йонас. И бутылку красного распили мы, и обо многом интересном и важном поговорили мы, но, кажется, я теряю вкус к любому общению. Что-то ушло от меня безвозвратно.

Вот отправил сегодня в Псков Сашуре Пильняка и Жорж Санд, хоть ублажил её, и это единственное, чем могу утешиться. Отсюда следует, что пора мне вырваться в Псков. Я – в своём репертуаре: спасаюсь женщиной, как всю жизнь.

31 января

<...> Звонил некто из Второго МХАТа, через какое-то время будет вечер, посвящённый истории этого театра. Хотел, чтобы я выступил. Что ж, какие-то воспоминания о Михаиле Чехове, Болеславском, Гиацинтовой, о Эрике XIV с Чеховым, о «Петербурге» Белого я смогу собрать и рассказать.

Был Рецепттор был с новой женой. Жена – смешная, некрасивая, худая и долговязая, но милая. Он читал занятные сцены, где действует Пётр. Безусловно талантливо, и этим сказано всё. Если говорить о школе Рецепттора, то это школа никого другого, а только Шекспира. Слава богу, школа хоть куда! Так день прошёл от М. Чехова до В. Рецепттора: в круге театральном. Всё-таки моя «Петербургская повесть» ещё не сделана, как должно!

1 февраля

Первый день февраля мало чем отличается от предыдущих. Я весь день дома, почитываю и отвлекаюсь от книги из-за телефонных звонков. Фадин принёс свою поэму «Огонь», которая когда-то мне понравилась; она действ. неплоха. Дозвонился в Гослит, говорил с А. Саакянц: оказывается, продолжение «Повести о Сонечке» посвящено главным образом Володе Алексееву.

Сегодня в первый раз за три дня нормально пообедал. А ночью сплю больше, чем надо. Сейчас всего 6 ч. До сна ещё далеко. Разобрал пришедшие письма. В одном из них просьба прислать мои стихи об Ольге Берггольц: пишет человек, слушавший телепередачу о ней. Ответил ему, послал текст.

2 февраля

Прочёл с большим интересом книгу «Вокруг Пушкина», по-моему, почти сенсационную. Наконец-то полностью оправдана и возвеличена жена и вдова Пушкина, Наталья Николаевна Гончарова, как умная, добрая, деятельная, верная жена Пушкина. Найдены её письма, весьма выразительные.

Прочёл стихи В. Фадина, определённо обрадовавшие меня. Он – умница, и я знаю, как написать для него врезку к публикации этих стихов в «Моск. комсомольце», завтра же постараюсь это сделать. Из «Лит. России» прислали экземпляр от 1 января, где напечатано стихотворение Давида Самойлова, посвящённое мне, острое и смешное.

Начал читать книгу о Мао Цзэдуне, кажется, занятную, хотя хуже, чем книга Владимирова «Особый район», которая, увы, пропала у меня.

3 февраля

Звонил Йонас: завтра в 7 ч. в Доме журналистов поэтический вечер, ведёт который Аза Лихитченко, моя любимая дикторша по программе «Время». Звонила Пол. Рожнова: встречаемся в ЦДЛ, обедаем. Звонила вдова Морозова насчёт моей

статьи о нём. Лучше всего отдать её в «Неделю», но, увы, дозвониться туда немислимо: по всем телефонам (их три) – гробовое молчание.

Начал писать врезку к статье Фаина, но мешают непрерывные телефонные звонки.

Заехал в «Вопросы литературы», получил январский номер со своей статьёй. Весь вечер её читаю – о метафоре. Дважды внимательно прочёл. И по правде, не знаю, как мне самому отнестись к статье. Убедительна ли она, закончена ли? Вспоминаю, что писал-то я в больнице, после июльских волнений, после обморока и т. д. Не отразилось ли всё это на рваном изложении, на резких переходах, на логически не оправданных скачках мысли?

Посмотрим, что да кто скажут читатели, друзья и не друзья, чужие. Как-никак, но это своего рода мой манифест.

Посидел я с Полечкой Рожновой в ЦДЛ. Осушили 150 грамм водки. А девица была, как всегда, мила.

Сейчас ровно 12 ч. ночи. Ноги у меня гудят и болят дико.

4 февраля

Вечер в Доме журналистов прошёл довольно интересно. Аза Лихитченко не так уж красива, как мне представлялось по телевидению, но была очень мила ко мне. Я читал только «Маяковского» и «Балладу о чудном мгновении», которую неважно помнил, но всё это сошло с рук, и хлопали как всегда. Нога у меня дико болит. Давно так не болела. На вечере читал еще Межиров. На его машине меня и проводили домой Дина и Йонас. <...>

5 февраля

Сижу дома. Нога продолжает болеть. Читаю новую книгу о Мао Цзэдуне, занятную по общему охвату. Но Боже, какой скверный русский язык! Автор – Федор Бурлацкий. Откуда он взялся?

6 февраля

Очень внимательно и критически просмотрел по 4-ой программе телевидения весь мой вечер 1 июля 76. И вижу, что при всех условиях это был сплошной блеск. Особенно выделить просто некого – все были на высоте. Даже Вознесенский, читавший «Я молнии слал в эту мглу дожевую...» (мои стихи) понравился мне. О Белле и Межирове и говорить нечего. То же самое о Максимове. Первый раз смотрел в больнице (в августе) на Открытом шоссе. Тогда очень волновался. А сегодня только радовался. Но я удивлялся тому как стар, как безнадежно сгорблен я сам...

9 февраля

Все мои дела на сегодня выполнены. Получил в бухгалтерии «Известий» за статью «Метафора» 231 руб. С Полечкой и Сашей пообедали в ЦДЛ. Сейчас

полседьмого, а дел у меня только одно: хотя бы начать писать о М. Морозове – то ли для «Недели», то ли в «Комсомольскую правду». То и другое затруднено тем, что телефоны свирепо молчат. Надо ещё сделать короткую врезку к стихам Полины Рожновой для «Работницы».

А вот какая сегодня случилась беда. Условился ещё вчера, что к 7-ми часам буду ждать в ЦДЛ Дину и Йонаса, но это у меня вылетело из головы, когда я оттуда уходил и только дома спохватился. Позвонил в Останкино. Они были искренне огорчены, даже как будто возмущены. Ужасно! Вот уж кого я не должен был обижать. Всё это, конечно, утрясётся, но сегодня кошки скребут сердце.

10 февраля

<...> Боль в ноге, благодаря кальцию и анальгину, а главное – благодаря тому, что я сижу дома, утихла почти совсем. Ещё раз перечёл вёрстку, и нашёл её в общем благополучной. Что надо было исправить и ещё вставил пять стихотворений: «Погоню», «Чёрного карлика», «Петербургскую повесть», «Небылицу», «Колодец».

Фогельсон обещал прийти вечером, но, кажется опять надул! Сейчас четверть 12-го. Пора укладываться. День всё-таки был не пустой, несмотря на обманщика Фогельсона.

13 февраля

Вчера к вечеру пришли Йонас и Дина. С ними двумя мы очень хорошо посидели допоздна, и они ушли, нагруженные книгами, новые тревоги начались сегодня с утра. Тревоги в связи с нашей машиной, требующей опять какой-то починки. Я нервничаю в связи со всеми этими неурядицами. Мне давно не везёт, но приходится держать себя в узде.

Есть ещё долг части: написать к 80-летию М.М. Морозова. Обещал его вдове. Надо сделать это сегодня, а отправить завтра, не позже.

Ещё одна странная неудача. Вл. Мих. купил вчера в киоске номер «Вопросов литературы», но экземпляр дефектный – как раз печатный лист с моей статьёй отсутствует. Вместо него дважды стоит соседний лист. Прямо как назло!

Я чувствую, что здорово устал. Но писать об этом скучно и нет смысла. Пока сижу дома – боль в ноге утихает.

16 февраля

Вчера – телефонное столкновение с редактором «Октября» в лице Надежды Кондаковой, не в первый раз проявляющей вопиющую неграмотность. Сегодня с утра звонила Светлана Бучнева, дабы она вмешалась в это дело. На поездку туда у меня нет сил, да и желания нет. <...> Далее в длительные переговоры с редакцией «Недели». Материал о Морозове идёт в этот номер, но там нет курьера, нет машины, чтобы привезти мне хотя бы гранки или машинописный текст. Так идут дела в тех учреждениях, с коими приходится иметь дело. Такого беспорядка и безобразия никогда еще не было.

Нервы на пределе. И сверх этого в разговоре с кем бы то ни было раздражаюсь до крика. И самому совестно, и на людей, наверное, произвожу тяжелое впечатление.

17 февраля

Эрик Пархомовский вчера принёс мне 2 экз. Номера «Вопросов литературы» с моей статьей. Только что получил от Каверина материалы новой книги Тынянова, а также его, Каверина, новую книгу «Петроградский студент». Скоро должны прислать верстку из «Недели». Так что начался этот день. Всё как будто становится на свои места, за исключением моей личной неприкаянности, а её причина – это неустроенность Сашура. Я делю с нею её беды.

21 февраля

Вчера и третьего дня прожил вдвоём с Вл. Мих. в полном дружелюбии и безделье. Прочёл книжку Каверина. Она занятная, а самого себя он рисует безжалостно. <...>

На вечере Морозова мой текст прочитан. Его вдова в восторге. Говорит, что была чуть ли не овация. Звонил писатель Н.С. Атаров, хвалил мои «Приключения метафоры». Сверка из «Октября» пришла в невообразимо гнусном виде: она со всех сторон приклеилась к внутренней стороне конверта – еле извлек рваную. Образец работы безграмотной Над. Кондаковой. Отсылаю обратно, подписав, как полагается.

Какая въедливая вещь – охота писать дневник!

23 февраля

Нина Васильевна Буровская, много раз уже пытавшаяся выяснить положение с моей пенсией, пришла наконец к выводу, что никакой пенсии я получать не могу до тех пор, пока так велик мой заработок. Словом, я получил из УОАП 250 рубл., и это всё. Других ресурсов не предвидится.

Самочувствие хреновое. Еле хожу, нога болит сильно. Отчего-то в середине дня остановились часы. Весь вечер смотрели мы с Кипсой «Белорусский вокзал» – редкий по правде и по значению фильм. Я почти ревел.

Завтра совещание по Пушкинским летним дням в Белом доме на ул. Воровского в 12 ч. дня. А послезавтра, 25-го, пленум Правления московских писателей в ЦДЛ в 11 ч. утра, на последний не знаю, стоит ли идти.

<Местонахождение записей за март – июль установить не удалось>

8 августа

Итак, вчера, в воскресенье, был Блоковский день, но не в Шахматове и не в Тараканове, а в самом Солнечногорске. Со мною ездили Йонас и Дина, а также Светлана Бучнева. Был Лесневский. Были также Куняев, Алексей Марков, ещё

какие-то поэты и не поэты, Святогорское начальство, масса милиционеров. Жара стояла одуряющая. Открыл праздник какой-то тип из Райисполкома, читал по бумажке. Первым говорил Куняев. Потом я. Начал с напоминания о близком шестидесятилетии нашего государства, потом связал это с Блоком и стал читать его стихи – всего три. Первое из цикла «Кармен», чтобы показать лиризм Блока, затем «Петроградское небо мутилось дождём» (Начало Первой Мировой) и, наконец, «Скифы». Читал с искренним одушевлением и во весь голос перед целой батареей микрофонов, стало быть на всю Россию. Йонас говорит, что всё это хорошо записано, а вот что сохранится для передачи в эфир, покажет будущее.

С домашними почти не общаюсь.

11 августа

Положительно везёт мне на идиотов, шлющих стихи. Один из них некто Геннадий С., которого я много раз демонстрировал друзьям, из Челябинска, вполне законченный псих. Второй из Львова, математик по специальности, заявил, что поэзия для него «не хобби», что собирается серьёзно взяться за это дело. Стихи у него и безграмотны и бессодержательны, и однообразны, и унылы. В прежние времена тоже были у меня корреспонденты безнадёжные. Но они хотя бы знали родной язык, хотя бы понимали, к чему стремятся. А эти «ни в зуб ногой». Тому, что из Львова, я ответил жестоко, предложив два года не писать стихов, читать классиков, Блока, Пастернака, Межирова, больше прозы и через два года обратиться ко мне (в тайной надежде, что меня уже не будет).

Мне, наконец, надо перевесить некоторые картины у меня в комнате, чтобы водворить на стене портрет Зои, а голову Горгоны – в большой комнате. Но нет молотка. Жду кого-нибудь. Андрей в Москве.

Зато его жена Аня помогла мне развесить Зоины портреты, как я хотел. Хотя это удалось. И маска Горгоны хорошо повешена, и другие размещены заново, и «Пращур» выдвинут на середину комнаты. Вообще она очень услужлива. А вот их Антошка¹ – шумное существо. Сегодня ухитрился упасть и порезать себе ручку – тут же дикий рёв.

13 августа

Приехал Денис, загорелый, красивый, тут же убежал с другими ребятами – только мы и видели его.

Сознаюсь честно, что очень любил перечитывать свои же стихи и поэмы. Много забыл и читаю их как новые и незнакомые: «Невечная память», «Пауль Вильмерсдорф», «Два портрета», да и многие другие...

Передача по телевидению о Максимилиане Волошине очень хороша. Это работа Йонаса и Дины. Какие молодцы! Хороши и Кеменов, и Шервинский, и особенно Наровчатов. У него настоящая, глубокая, патриотическая забота о сегодняшней культуре – тут он искренен. Рядом с Йонасом и Диной был и Саша Межиров. Как будто он сможет поехать 23-го в Зеленоград. Если он поедет, я тоже.

21 августа

Странный, неожиданный, тяжёлый сон. Мне снилось, что Вова взрослый, уже немолодой человек (ему сейчас было бы 54 года), военный. Он в чём-то серьёзно проштрафился и вызван в Москву для разбора этого дела. Я жду его после его телефонного звонка. Он является и хочет успокоить меня, но я продолжаю тревожиться. А Вова, как это было и в 42-м году, отстраняет от себя всякую тревогу о нём. Я записываю это, пытаюсь реконструировать сон, но чем длиннее запись, тем легче испаряется всякое воспоминание о том, что снилось.

Саша Межиров, заботящийся о своей внучке, о дочери Зои, – явление великой еврейской расовой цепкости в делах семьи. Узнаю в нём и своего отца, и многих других отцов, и, в сущности, самого себя, но только в молодости. А сейчас что сказать о себе? Я слишком привык к тому, чтобы обо мне заботились, – не только потомство, но и посторонние, например Владимир Михайлович, в какой-то мере Сашура, Йонас, Дина. Но в себе я не чувствую эгоизма. Разве только эгоцентризм. Забота о том, чтобы делать своё дело.

<...> Переписываю стихи, которые буду читать в Зеленограде: «Конец века», «Не наука», «Через 30 лет», далее идут лирические, любовные «Рассказать о тебе наступила пора...» и «Дыхнув антарктическим холодом...», наконец, для смеха «С полумесяцем наверху...» Итого шесть, этого за глаза достаточно. Если на бис вызовут, то «Маяковский» и «Чудное мгновенье».

25 августа

Моё участие в поездке в Зеленоград совершенно не по силам для меня. Это интересно и рядом были хорошие друзья, всё так. Но приходилось одолевать коридоры взад и вперёд, и они продолжались бесконечно. Наверно, я проделывал за день около километра, если не больше. Мои ноги не выдержали и вернулся я вечером домой разбитый, уставшей до чёрта, так что и заснуть порядком не мог, промаялся в каком-то полусне, и всё интересное было смыто без следа.

28 августа

Меня разбудил Денис, сказал что устанавливают телефон. Конечно, я вскочил, помылся, тут же для пробы позвонил «сто», чтобы узнать время. Было 9 часов 23 минуты. Потом позвонил Владимиру Михайловичу – тоже для пробы. У меня в кабинете ещё аппарат не установлен, но парень уже возится наверху с проводкой.

У Сашуры начинается отпуск – и значит мне надо быть в городе, устроить её в гостиницу. Это хлопотно, ещё более хлопотно, конечно, возня в иностранной Комиссии. Но я рад, что начинается новая полоса в жизни.

Звонил и к Матусовскому и к Нагибину – оба, может быть, вечером явятся сюда. Только что звонил Йонас – он первым обновил мой телефон! В ожидании гостей я и приделся и чисто побрился. За окном яркое небо, солнце, но явный холод. Выходить и не пробую.

Письма Сашуре и П. Рожновой отдал телефонному мастеру – будут посланы. Ему же подарил «Конец века». Это лишнее, но пускай помнит старого хрена.

29 августа

Совсем неожиданно раскопал свой очень старый альбом с рисунками и акварельными картинками: много сцен из «Вийона», но есть также и «Незнакомка» Блока. Вечером был у меня Юра Нагибин. Сегодня он звонил, хвалит «Коней века», но новые сцены из «Вийона» совсем ему не понравились.

Звонил и С. Мнацаканян, спрашивал, когда я буду в Москве. Кипса сказала, что 31-ого.

Моя дочь уж очень раздражена и на мать свою, и на отца – на меня. Катя продолжает не здороваться, не замечать меня.

10 сентября

Два дня были целиком связаны с приходами Сашуры и Дины с Йонасом. Всё было очень хорошо, и еда, благодаря Сашуре, Дине с Йонасом и Владимиру Михайловичу, была на высоте. Всё было как я ожидал, т. е. говорливо, в меру шумно. А Сашура была и Царицей стола, и в общем (так мне казалось, по крайней мере) довольна. К тому же она показала себя идеальной поварихой, нажарила грудку мяса, как не снилось даже Йонасу, не говоря уже о Владимире Михайловиче. Но дело, конечно, не только в еде, а в общей атмосфере, которая начисто испарилась, как только приехала Кипса. Она ничем не помешала нам, даже не вошла в мою комнату, но я чувствовал по молчанию Сашуры и Дины какую-то угнетённость, особенно Сашуры.

Кипса вызвала Йонаса и просила его от имени телевидения способствовать скорейшему ремонту хотя бы ванной в нашей московской квартире. Йонас будет сам звонить в наш ЖЭК и, объясняя положение дела нуждами телевидения и частых съёмок у нас на улице Щукина, будет категорически настаивать на ремонте.

Ещё Кипса через Владимира Михайловича передала, что она должна говорить о чём-то со мной. Я догадался, о чём и ждал ухода гостей. И услышал то самое, что предвидел. Моя дочь объявила, что считает неудобным появление Сашуры на Пахре. Я ответил резко, что имею неоспоримое право звать на Пахру кого считаю нужным. Я имею довольно прав и на дом и на Зоины скульптуры и вообще на всё это пространство, где пока что такой же хозяин, как она, моя дочь, а то и больше хозяин, по крайней мере, пока жив. А когда меня не будет, пускай Кипса распорядится как хочет. Но оставляю и духовное завещание, где будет написано чёрным по белому, что Сашуре поручено разобраться в моём архиве, в письмах, во многом ещё, – ей как моему литературному секретарю.² Возражений на это не предвижу, разве только поддержку, в первую очередь, со стороны К. Симонова и других моих друзей, которых не мало.

7 октября

Звонил Виктор Фогельсон насчёт книжки Лёвы Тоома, отца Андрея и Кати. В «Сов.Пис» примут только его стихи, не переводы. Заодно я узнал новый телефон Фогельсона, правда, он с матерью живут сейчас у Лили Толмачёвой³.

Явился Юрий Всеволодович, отец Мишки-негодяя. У него какой-то разговор с моей дочерью. Все надежды на её твёрдость и резкость.

10 октября

Приходил фотограф, дважды снимавший Блоковское воскресенье в августе: два года назад и в этом году. Очень первоклассные снимки.

Приходил восторженный Дурак говорить о так называемом «завещании Вахтангова». Чистейший бред о каком-то «документе эпохи», которого никто и в глаза не видел. Какие-то шаблонные тирады: «наша миссия», «даём людям праздник»... Говорил о письме Вахтангова Михаилу Чехову. Этот тип просто остолоп царя небесного, по-видимому, совершенно бездарен. Как будто он где-то режиссёр, ещё пишет скверные стихи. Я обидел его уже только тем, что сослался на усталость.

15 октября

Пока всё идёт как я предвидел. Сашура прилетела и часа полтора назад звонила. Шофёр поехал за билетами для неё в театр «Современник».

А завтрашний день тоже приближается со всей своей неопределённостью. Имею в виду вечер, который серьёзно меня заботит и беспокоит. Как вести себя? Что говорить? Как не сбиться с серьёзного тона? К тому же всё будет записано для телевидения. Впрочем, это не в первый раз и всегда великая кривая как-то вывозила.

Саша приехала, очень мила и хороша собою. Сейчас она вышла что-то купить. Билеты в театр у меня в кармане. Владимир Михайлович тоже здесь, лежит бедняга – сердце у него бог знает какое слабое. Я умудрился накричать на него, оттого что он сказал «кушать», а не есть. И это с моей стороны хамство.

Все уехали, слава Богу, на Пахру во главе с Кипсой до завтрашнего вечера. О том, как пройдёт мой вечер в ЦДЛ, лучше и не думать. Надеюсь, что как-то пройдёт, если не гладко, то хоть с нужными словами и выступлениями. Белла должна быть, обещала. Только что звонил Лесневский, тоже придёт, хотя в афише его и нет. Надеюсь я на Межирова. Билетов ни одного нет. Телевидение придет. Очень жду Сашу: без неё жизни мне нет и не будет. Завтра ночью она уедет поездом в Великие Луки.

Жду звонка Семижёнова, ибо предстоит устроить в зале моих гостей: и Юлю Гольцеву, и Майю Луговскую, и Инну Заграевскую, – обещал всем, так же и М. Комиссаровой.

От «маленького Коли» телеграмма из «глубины сибирских руд», он получил все посланные ему мои книги с надписями. Только что звонил Эрик Пархомовский.⁴ Завтра мне придётся говорить о нём не только как о журналисте из «Известий», но как о близком человеке. Есть надежда на задние ряды, принадлежащие ведению Б.М.Филиппова как директора ЦДЛ.

20 октября

Пришёл фотограф Миша, принёс фотографии, сделанные на вечере 16-го, очень выразительные и, наконец, пришёл Леонид Тёмин, рассказал всё, что было у него в Польше, как плачевно обернулось дело с гонорарами за напечатанные там произведения. Это не слишком огорчает меня – можно было предвидеть, ибо относится к общему обесцениванию денег и за рубежом, и у нас.

Жизнь у меня крайне путаная. Сажу дома в халате и нет никакого желания куда-нибудь двинуться. Погода ужасная, холодно и беспросветно. Многие типы пристают со своими стихами и прочими нуждами, – всё это безнадежно. Но вот внезапно солнце: В. Н. Орлов должен сейчас прийти.

Читаю с восторгом(!) стихи Владимира Державина⁵. Это клад и я хочу писать о нём восхищённо. Всего два года назад он умер. Вдова его Тамара Давыдовна необыкновенно скромна и мила. Говорил с нею по телефону. <...>

4 ноября

<...> О вечере 1 ноября можно сказать только одно: он удался на славу – читал я то, что задумал, а перед тем по общему суждению говорил вразумительно, хорошо, сам это чувствовал. И аплодисменты изрядные, буду ими сыт весь ноябрь. Жду письма Сашуры. День пасмурный, окна запотели.

Фильм «Хождение по мукам» по Ал. Толстому – удивительно беспомощная дрянь, бесполезная трата киноплёнки. Получил письма от Н. Банк и Е. Ольшанской. Владимир Михайлович отправился восвояси. Дал ему Кузьму Пруткова⁶ и «Энеиду» Котляревского⁷. Пушай хохочет.

6 ноября

Предмет общей заботы – сын Кати Ванечка, действительно прелестный (пока!) ребёнок. Каким он вырастет? Обнаружится ли в нём сходство с отцом? Не дай бог этому случиться!.. Всё-таки понятие «гены» в какойто мере отдаёт мистикой и ничто в сравнении с такой реальностью, как воспитание. Но мне незачем волноваться по этому поводу: я не доживу до тех пор, когда ребёнок вырастет в отрока.

Перечитал ещё раз книжку Л. Ждановой. Она хорошая. Но когда автор называет себя самое «бабой», это враньё. И меньше всего характеризует Лидию Михайловну. У неё мужской, активный поэтический дар, и на этом ей и надо твёрдо стоять. Буду в Москве, напишу ей.

По-прежнему очень беспокоюсь о Сашуре, об отсутствии писем от неё.

8 октября

Миша Матусовский получил премию за свои песни.

Приехал Андрей, обещал помочь с развеской всяких картин, моих и не моих. Все – в мою маленькую комнату, чтобы в большой был простор для Зоиных работ.

«Христос воскрес из мёртвых, смертью смерть поправ и смертным во гробах живот даровать». Если забыть, не обратить внимания на мистическую сущность этих евагельских слов, то речь идёт о постоянной работе поэзии и поэтов. Много раз и по разным поводам поэты воскрешали своих предшественников, начиная с Пушкина и Лермонтова и кончая хотя бы Блоком, Маяковским, Пастернаком и так вплоть до Гудзенко и Луконина. Да и не одни поэты это делают, но и романисты и учёные-литературоведы, не говоря уже о самих читателях. Во всём этом огромном обмене опытом, в движении самой культуры, в её заботливости по отношению к кладбищам, покрывающим испокон веков человечество, всегда и везде торжествует неизбежность того или другого воскрешения. А по слову Мишле, сама история есть воскрешение. Вот и найдено нужное слово. Моя личная практика и мой личный опыт на протяжении всей сознательной жизни, то есть уже шестьдесят лет, в этом и состояли. Воскрешать, даровать вторую, третью, десятую, сотую жизнь – дело неизбежное, раз оно однажды начато. И это моё призвание. Хвалиться и хвастаться тут нечем. Сказанное – всего только спокойная констатация на старости лет, ибо жизнь кончается. Мне давно пора в Востряково. Там ждёт меня моя Зоя. <...>

11 октября

Постучался ещё какой-то поэт из Рязани. Я отказался впустить его к себе. Он позвонил и разжалобил меня. Я посоветовал ему обратиться к более молодым: к Межирову, к Евтушенко. Конечно, это безнадежнее, чем ко мне, ибо ни того, ни другого он просто не найдёт. Но по телефону мы хорошо, по доброму разговорились. Он понял меня: возраст, усталость. Разговор закончился вполне дружелюбно.

Ещё раз перечитываю «Гюго» Моруа. Это лучше, шире, достовернее, человечнее, чем у Арагона о том же Гюго. Насколько Арагон педантичен (в благородную сторону) и насколько Моруа свободен от всякой предвзятой тенденции! <...>

Наконец-то я выяснил в УОАП, за что мне начислено 250 рублей – это и «Турандот», и «Много шуму», и «Риголетто». Сколько же я на своём веку наворотил всего, что и сегодня стригу купоны с того, что сделано так безнадежно давно! Не говоря уже о том, что следует мне за недавнее время: в «Правде», в «Огоньке», в том же Гослите и т. д. Собирая всё это, не хочется умирать в ближайшее время – надо обязательно послать Саше хотя бы 100 рублей.

20 ноября

Вчерашний вечер был что надо: пришли В. Рецепттер с новой женой, С. Лесневский с женой Валей, наконец, в полдевятого Йонас и Дина. Владимир Михайлович, кроткий и милый, был за кухаря. Сидели не на кухне, а здесь, в этой

комнате, болтали обо многом и разном. Володя Рецепттер читал свои стихи о Дон Кихоте, которые хочет мне посвятить.

<Местонахождение записей за конец ноября и декабрь установить не удалось. >

Комментарии

¹ Тоом Антон Андреевич (1975-2019) – правнук П.Г.А.; в 1991 г. вместе с родителями эмигрировал в США, стал специалистом по компьютерным наукам. Был ответственным за компьютерное обеспечение всех проектов, связанных с литературным наследием П.Г.А.

² А.Н.Некрасова не была внесена в список членов комиссии по литературному наследию П.Г.А. и к работе с литературным архивом поэта не была допущена, не смотря на его настоятельные просьбы. В течение двух лет после смерти П.Г.А. его архивом единовластно распоряжалась его дочь Наталья Павловна. При её попустительстве к квартире Антокольских на ул.Щукина, в том числе к находившемуся там рабочему кабинету поэта, получили доступ посторонние люди. Сразу же после её смерти в 1980 году часть литературного и художественного архива П.Г.А., а так же большая часть её собственного художественного архива, были похищены.

³ Толмачёва Лилия Михайловна (имя при рожд. Лидия; 1932–2013) – актриса театра и кино; нар. арт. РСФСР (1981). С 1956 и до конца 1970-х годов работала в московском театре «Современник».

⁴ Пархомовский Эльдар Яковлевич (1930-1991) – юрист, журналист; работал в жанре фельетона. Зять украинского поэта Леонида Первомайского.

⁵ Державин Владимир Васильевич (1908-1975) – поэт, переводчик классической поэзии Востока, художник. Единственный прижизненный сборник его стихов вышел в 1936 г. Стихи В.В.Державина нравились А.М.Горькому и тот неоднократно оказывал ему своё покровительство.

⁶ Козьма Петрович Прутков – коллективный псевдоним, под которым в 1950-1960-х годах в журналах «Современник» и «Искра» выступали поэты Алексей Толстой и братья Александр, Алексей и Владимир Жемчужниковы. Под этим псевдонимом более десятка лет публиковались комедии, стихи, басни в сатирическом жанре.

⁷ «Энеида» – поэма-бурлеск, написанная украинским писателем И.П.Котляревским (1769–1838) на сюжет одноимённой поэмы римского поэта Вергилия.